

Отдать родине все, ничего не теряя...

Роль элит в обществе уникальна, спасительна и до конца не постижима

👤 Леонид Григорьев

Об авторе: Леонид Маркович Григорьев – профессор, заведующий кафедрой экономики НИУ ВШЭ.

Уровень элиты в

пересчете на лошадиные силы. Фото Reuters

Элита и демократия – это две, по сути, альтернативные концепции общества – теория политологии это отражает. Однако большинство прикладных работ по демократии почти не упоминает элит; а любое исследование по элитам стесняется объяснить, что именно и как они делают в условиях демократии.

Если мы говорим об элите, то неплохо бы создать язык, на котором ее можно обсуждать. Я, наверное, начну с того, что у нас, как, наверное, и в любой стране, есть две элиты. Одна – функциональная – это те высокопоставленные люди, которые выполняют определенные функции управления, регулирования и т.д. Все министры и депутаты, конечно, к ней относятся. Разумеется, такие функционеры обязаны быть профессионалами и разбираться в том, что им поручено делать... Ну, я бы еще назвал «гипо-элиту», которая выглядит как элита, а на самом деле «экранирует» элиту – настоящие элиты очень «стеснительны» и не любят быть на виду.

Настоящая элита действительно имеет власть или доминирующее положение в своей сфере – она «нормативная»! Та, что определяет и задает нормы развития той или иной сферы жизнедеятельности, создает школы, направления, стратегии и т.д. Конечно, такое деление на две элиты – это самое простое и приблизительное из того, что можно сделать.

Компоновка элит отражает специфику развития общества и государства. А это значит, что элиты бывают разные: политическая, финансовая, военная, интеллектуальная, церковная. Что касается церковной, то она есть в Италии, Испании, Польше и в какой-то мере у нас. Насчет России требуется пояснение. Дело в том, что после Октябрьской революции церковная элита массово не уехала из страны. Поэтому значительная ее часть погибла вместе с рядовыми священниками. А выжившие, при всех трансформациях, оставались в сложных условиях хранителями духовных традиций.

Их много. Они хорошо информированы

Первые три элиты – политическая, финансовая и военная – с 1950-х годов считаются властными и принимают основные решения. То есть ту часть решений, которую можно провести публично (в рамках демократии) или незаметно корректируя. Поэтому чем выше уровень развития общества – тем сложнее и надежнее механизмы демократии и тем дальше в тень уходят (но не для отдыха) правящие элиты.

Политическая элита, предположительно, контролирует политический процесс. В западных буржуазных странах с развитой демократией она в значительной мере взаимодействует, находится в согласии с финансовой элитой. Это означает, что они не конфликтуют особенно жестко и друг у друга ролей не отнимают. У нас же подобные взаимоотношения еще надо выстраивать и обсуждать как отдельную тему.

У элиты всегда есть две цели. Одна, как и у большинства людей, – это очередная жизненная проблема, замысел, проект... Но при этом человека элиты отличает от остальных вторая, более сложная, а главное – более важная задача – это сохранить свое положение в парадигме власти.

Все сложности и трудности второй задачи мы, наблюдатели, постигаем с трудом. Прежде всего потому, что можем только догадываться, насколько элита хорошо информирована, насколько рациональна и склонна к компромиссу ради устойчивости общества.

Это нам может показаться, что Агентство национальной безопасности занимается ерундой, собирая информацию о жизни миллионов граждан разных стран. Многие сведения о нас, простых смертных, нам самим не интересны. Но люди элиты почему-то считают их важными и даже для чего-то необходимыми. Уже не говоря о том, как их волнуют сведения о них самих и о тех, кто этими данными может овладеть.

Поэтому перед тем, как рассматривать какие-то определенные прикладные действия элит, надо знать язык их понятий, особую коммуникативную систему. Даже не все элитологи, коих у нас сегодня великое множество, понимают тот или иной элитарный замысел: почему такая выборная система, откуда такая форма приватизации. Но докопаться, конечно, можно, сложить по каждой проблеме вектор интересов – тоже нам под силу. А вот принципы принятия решений остаются неясными. Еще больше нам не ясно – что элиты могут сделать в следующий раз.

По уму или по совести?

С интеллектуальной элитой, пожалуй, везде непросто. Потому что ее всегда сопровождает спор, кого можно считать интеллектуальной группой, а кого нет. Признает ли функциональную элиту (менеджеров науки и культуры) креативный класс – от кого образованная и активная часть общества согласна принимать «норму»?

Естественно, каждый может спорить о том, кто дает «норму» в литературе, театре, гуманитарной сфере, сложнее – в естественных науках. Функциональная элита часто считает себя нормативной. Эту уверенность ей придает то, что от нее зависит реальное положение собственно интеллектуальной элиты. Пример – реформа Академии наук и образования. Крупный ученый или деятель искусств перед функциональной элитой беззащитен.

В жизни интеллектуальной элиты есть еще одна неизбежная драма. Она вызвана тем, что интеллектуалы часто имеют принципы, а при любом дворе это терпят далеко не всегда. Поэтому интеллектуальная элита часто находится в странном положении – действуешь в интересах страны или в интересах «двора». Первое благородно и по совести. Но второе выгодно. Вот и выбирай!

В связи с этим напомним старую советскую триаду или правило окончания любого большого проекта: поиск виновных, наказание невиновных, награждение непричастных.

Ищите консенсус. Хорошо помогает от революций

Есть такая очень известная в определенных кругах книга. Она называется «Консенсус элит как основание либеральной демократии».

Звучит как парадокс. Как же можно совместить концепцию демократии с концепцией элит? Если мы возьмем любую книгу об элитах, там не обнаружится почти ничего про демократию. Соответственно в учебниках демократии трудно найти что-нибудь о тяжелых проблемах представителей элит.

То есть это две прямо противоположные в теории концепции. Если все идет по демократии, то о какой элите речь? А если обществом правит элита, то какие там могут быть демократические решения? Но это в теории. А в жизни эти концепции, оказывается, вполне совместимы.

Могу привести такой не очень давний пример. Если подходить с позиций классической макроэкономики, то девальвация рубля должна была произойти 1 октября 2008 года, и все высокие эксперты считали, это было бы правильно. Но была другая правда – началась бы паника, растерянность и многие другие симптомы социальной нервозности. Теперь же, спустя годы, все эксперты, включая макроэкономистов, согласны с тем, что девальвация, запущенная в январе-феврале 2009 года, была правильным решением. Хотя она потребовала 200 миллиардов долларов на поддержание рубля.

Но главное в другом – это решение было принято не по учебнику макроэкономики. Оно было действием элиты, которое учитывало вопросы социальной стабильности, интересы деловых компаний и т.д. А главное, оно включало интересы самой элиты, ее стабильности, устойчивости в пребывании у власти. Это отличает не только нашу элиту – мы имеем дело с общим явлением.

Поэтому для понимания темы очень важны три условия:

– консенсус элит как основание демократии;

– единство финансовой и политической элиты – для управления страной таким образом, чтобы всем гражданам было более или менее неплохо. Но главное, чтобы самой элите было хорошо.

Третье условие лучше всего показать на примере.

Чуть-чуть демократии – и город затих

Зададимся вопросом: откуда взялась знаменитая британская демократия? Дело же не в том, что прежде где-то в Греции или в Венеции были выборы. В Венеции сколько ни голосовали, а в тайный совет попадал примерно десяток семей, и ничего по части жизнеустройства дальше не менялось. Но венецианская демократия за семь веков дала минимум восстаний. Римская знать проблему бунтов решила просто – добавила к консулам трибунов, и ситуация стабилизировалась.

Британская демократия начинается с 1684 года, когда тори и виги, 200 лет воевавшие под разными масками друг с другом, сели за стол переговоров. Они просидели за ним три недели и в итоге выбрали династию Стюартов, которые, как и Романовы, были слишком серьезны по части своего божественного помазания. Затем пригласили служебную династию Оранских, которая привыкла работать на контракте... И с тех пор в Англии ни разу не пересматривались результаты выборов, не менялись правила выборов губернаторов. Правда, вначале в выборах участвовали мужчины по цензу, затем круг выборщиков стал расширяться, в том числе и за счет женщин. Это было движение, расширяющее демократию, но в то же время это ярчайший пример консенсуса элит, результатом которого стало отсутствие в стране гражданских конфликтов. На протяжении всего XVIII века мы видим ее несомненное лидерство в развитии. Позже появляется такой конкурент, как США, но там преимущества дают большие территории. Мы же, повторюсь, говорим об эффекте консенсуса элит.

Поэтому для любых времен можно с уверенностью сделать универсальный вывод. Все разговоры об инвестировании в долгосрочное развитие страны крайне спорны и даже опасны, пока в ней нет консенсуса элит. Пример тому – сегодняшняя Украина, в которой уже заговорили о «балканизации».

Как только такие договоренности элит достигаются, все остальные сопутствующие условия развития (законы, правила, обязательства и т.д.) достижимы. Вот в чем суть элитократии. Даже внутри демократического устройства общества элиты выполняют роль страховщиков устойчивости. И даже когда общественность начинает усматривать какую-то ошибку в политике, экономике, финансах, то это скорее всего будет либо допустимая во всякой работе погрешность, либо хитроумный ход элит.

Но, разумеется, при этом нельзя во всех протекающих процессах видеть могучую руку элит. Такое подозрение ничем не отличается от паранойи, именуемой теорией заговора.

Мы понимаем, что даже в условиях консенсуса элит многое в этой жизни должно делаться и достигаться демократическим путем. Без этой деятельности масс в них будет накапливаться раздражение и подозрительность, а затем и уверенность в том, что ими манипулируют, их обманывают и т.д. Тут же найдутся разжигатели этих настроений, которые непременно назовут себя революционерами.

Поэтому республики, области, регионы, города и села должны многое решать, выбирать и делать сами. Это очевидно, как и действия элит в разные времена в разных странах и обществах.

Но дальше возникает вопрос о том, в каких состояниях общества и государства наиболее значимо начинают работать и заявлять о себе элиты. Если страна живет стабильно десятки лет, то и элиты чувствуют себя соответственно ситуации, работают по мере поступления проблем.

Только вот интересно, как они мониторят ту или иную проблему, насколько качественно? А вдруг элиты, опасаясь «заговора», не видят реалий? Те же украинские элиты явно не могут осознать реалии разнородной страны, интересы групп, а как без этого найти компромисс?

Жесткие режимы безжалостны к ресурсам

История человечества полна примеров борьбы с элитами. Так, венгры в XX веке уничтожили славянскую элиту, конкистадоры сознательно перебили элиту инков. В 1945 году американцы сохранили системные элементы старой элиты в Японии, но подорвали земельную аристократию, раздав ей по 20 га на семью, если никто из ее членов землю не обрабатывает.

Русские князья сумели (в частности, Александр Невский) договориться с Ордой о сохранении национальной политической элиты у власти. Это тогда спасло культуру и идентичность, но стоило двух рент с небогатых земель.

Мы же знаем, что демократические общества медленно приспосабливаются к внешним или внутренним угрозам, но зато они эффективнее решают многие проблемы. И весь XX век показывает нам, как жесткие вертикальные режимы быстро мобилизовали ресурсы на решение той или иной задачи. Но использовали они эти ресурсы плохо, немисливо расточительно.

Если мы посмотрим на результаты разрешения наиболее значительных конфликтов прошедшего столетия, то обнаружим следующее: все, кто обладал изумительной мобилизационной готовностью, как раз понесли самые большие потери. Они толком ни к чему конкретному не готовились. Мобилизованность как цель мешала им прислушиваться к людям. К тому же те, кто сомневался в такой стратегии, думал более глубоко или иначе, просто были погублены.

И позже выяснилось, что понесенные в результате мобилизационного проекта потери были столь огромными, что полемика о том, кто же выиграл войну, просто не могла не возникнуть. Как же не задуматься о том, почему победители живут хуже побежденных.

Этот пример лучше всего говорит о том, что элита должна иметь свои планы на будущее, а это значит – постоянно мониторить проблемы, конфликты, напряжения, возникающие в обществе – и внутри страны, и за ее пределами.

Адаптироваться самим и абсорбировать «контру»!

Мне кажется, общественность, в том числе и просвещенная, недооценивает того, что в нашей истории никогда не было мира. Возьмите период XVIII–XX веков. Если кто-то из дворян в 17–18 лет попадал в армию, то он до 20 лет мог оказаться на одной войне, в 40 – на другой, а там, глядишь, и третья подоспеет.

Явная неспособность улавливать трансформацию общества и новые требования – это ситуация XIX и начала XX веков в России. За это время русский террор принес России

примерно 2 тыс. убитых представителей власти, вынесшей тогда же примерно 300 смертных приговоров.

В России постоянный фактор жизни властной элиты – огромность империи, протяженность границ, постоянные конфликты. Отсюда для элиты постоянная задача – централизация ренты и выстраивания обороны. Конечно, продолжались попытки расширения империи, но при этом она оказалась неспособной справиться с внутренними опасностями. Развитие было во многом потеряно, и социальная трансформация отстала. Оказались недовольными два социальных класса: крестьяне – их огорчило решение земельного вопроса, и интеллигенция – не получила демократических свобод. Царская элита не смогла адаптироваться к этому вызову, разошлась с интеллигенцией и проиграла.

Проблема адаптации элит к действиям контрэлит, поиск компромисса с последними и консенсуса между собой – вот что подсказывают нам исторические уроки. Конечно, все элиты не любят контрэлиты и потому пытаются сделать все, чтобы их не было. Но зачем же при этом рисковать своей долгосрочной устойчивостью, если можно абсорбировать своих противников? Что, собственно, и делало царское правительство. Поэтому при дворе были немецкие бароны, грузинские князья, татарские ханы в разных поколениях. Кто был в элите смертельным оппонентом Распутина? Князь Юсупов, а не капитан Копейкин.

Правда, нам придется признать, что царская элита не справилась со страной. Слабым утешением может быть лишь то, что советская элита и вовсе провалилась: сначала колоссальные издержки и потери в революции и Гражданской войне, потом невыносимые издержки управления, репрессии.

Если же посмотреть на конец 80-х и начало 90-х, то можно увидеть эту не понятую тогдашней элитой задачу. Она заключалась в такой трансформации, чтобы перейти огромной, разнородной страной от среднего, не очень конкурентоспособного уровня развития – к умеренной демократии, постепенно трансформируя собственность.

Вместо этого произошло все то, что поставило общество под страшный удар. И это, конечно, была вина советской элиты. Она не нашла способа трансформации в условиях кризиса. И это обернулось ужасными потерями.

Интересно, понимает ли наша сегодняшняя элита нынешние риски, отслеживает ли она ситуации в разных критических зонах, включая политику, экономику, напряженность – все внутренние и внешние изменения, способные обострить ситуацию? На какие социальные слои она может опереться? Насколько прочны ее связи со средним классом, научным сообществом, вообще – с умными, деятельными, патриотичными людьми? Наконец, насколько элита близка к реальной жизни общества?

Эффективность элит – это сочетание элитарности и в то же время «близости к земле» – к проблемам своего времени. Формальных (функциональных) представителей элит мы видим – в лице министров, директоров, глав регионов и т.д. Но принимают ли они решения или за них это делает кто-то другой – большой вопрос. Помощник президента может быть влиятельнее любого министра, а то и премьера. Примеры такого влияния можно найти на любом уровне управления страной.